

СОЛОВКИ: 1968 – КЛЮЧЕВОЙ ГОД В СТАНОВЛЕНИИ ЛАБИРИНТА ПАМЯТИ

С. Франк (Университет им. Гумбольдта Берлин)

1968 – это Соловки за 5 лет до публикации книги Солженицына *Архипелаг ГУЛАГ*, за 20 лет до фильма Голдовской «Власть соловецкая»

В другом месте я уже попыталась высказать мысль о том, что Соловки в ходе всей своей истории исполнили роль «центра на краю». Начиная со времен основания монастыря монахами Савватием, Германом и Зосимой, когда последний в споре о правах на рыболовство стал действующей фигурой в соперничестве между Новгородом и Москвой ... и далее во времена Ивана Грозного, когда игумен Соловков, Филипп, стал митрополитом и впоследствии жертвой опричнины, а автор домостроя, протопоп Сильвестр, стал одним из первых заключенных соловецкой тюрьмы, в эпохи знаменитого соловецкого сидения 17-ого в. и концептуализации Соловков как исходного пункта имперской переориентации России Петром I-ым, во время связанного именно с Соловками расцветом патриотизма в последние годы 19-ого в. и концептуализации СЛОНа как образца советского лагеря и до наших дней, когда Соловки снова обрели статус ставропигиального монастыря и пользуются поддержкой со стороны государства в полном объеме. «В 2016 году по федеральной целевой программе «Культура России» на Соловки было выделено около 600 миллионов рублей, ремонтно-реставрационные работы велись на 24 объектах. В 2017 году Министерство культуры выделило около 1,5 млрд. руб. на ремонт и реставрацию Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Об этом сообщил министр В.Мединский на заседании попечительского совета по восстановлению монастыря вместе с патриархом Кириллом, передает «РИА ...21 авг. 2017 г.».

Сегодня Соловки как место национальной памяти, как чрезвычайно важное национальное и мировое культурное наследие стали объектом широкой полемики. В романах признанных представителей современной русской литературы – «Обитель» З. Прилепина и «Авиатор» Е. Водолазкина –, а также в издательских и исследовательских работах историков Соловков – церковных, как Вяч. Умнягин, и светских (как напр. О. Бочкарева) – противостоят друг другу несколько между собой вряд ли примиримых позиций интерпретации исторического значения прошлого для современности.

Так напр. в 2013 году буквально за сутки в Савватиевском скиту исчез установленный «Мемориалом» на предполагаемом месте первого массового расстрела заключенных памятный камень. Судебное дело против Юрия Дмитриева все снова и снова пересматривается верховным судом Карелии и так продолжается уже три года с неизвестным исходом. И Дмитриев не единственная жертва среди исследователей истории соловецкого лагеря. 17 августа 2017 Архангельский суд оштрафовал координатора местного отделения движения «Последний адрес» Дмитрия Козлова – сотрудника петербургского Мемориала и молодого историка, сотрудника петербургской ВШЭ – за размещение мемориальной таблички на доме, где жил репрессированный в 1938 году слесарь архангельской канатной фабрики Игнатий Безсонов.

В то же самое время стало известно о подготовленном (историком и бывшим радиожурналистом Соловков) Петром Леоновым письме-«доносе» (как выразилась журналистка Новой Газеты) против Юрия Бродского, исследователя истории соловецких лагерей, которого, к слову, отметили в специальной номинации премии «Просветитель».¹ Спор о том, кто имеет право интерпретировать прошлое Соловков, чей авторитет, чья позиция легитимны – очень сложный и все больше и больше поляризуется.

¹ <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/14/74202-solovetskie-donosy>

На фоне современной полемики, на фоне чрезвычайно контрастной истории и в континууме символической функции центра на краю поздние 1960-е гг. на Соловках пока еще не изучены. На первый взгляд этот период кажется исключением: как если бы периферийный центр превратился в просто периферию: Лагерь, скорее тюрьма (СТОН) была закрыта еще в 1939 г., геостратегическое значение, которым Соловки отличались во время Второй Мировой войны, сохранилось, но редуцировалось после конца войны. Соловки стали региональной военной базой, задача которой заключалась в защите северных границ страны. С 1940 по 1957 хозяином Соловков был Учебный отряд Северного флота: Школа юнг. В 1957 на остров была передислоцирована береговая база ВМФ, которая выполняла задачи по охране арктических рубежей СССР. **F1** До середины 1960-х (1964) остров был закрыт для гражданской публики. Единственным «событием» второй половины 1960-х кажется открытие музея заповедника в 1967 г.... Однако, при более подробном рассмотрении фактов и источников, относящихся к этому периоду, оказывается, что и Соловки имели свой 68 г., что Соловки в эти годы снова стали центром на краю, и что спор о значении этого места имеет свою исходную точку именно тогда, хотя и на мой взгляд в другом смысле, чем в том, который придают этим событиям Максим Гуреев и другие в недавних своих публикациях.

Об этом я хочу сообщить в трех пунктах:

Соловки в 1968 (1966-1968) – даты и факты
Голоса 1965-1970
Воспоминания «соловчан 60-х» 40 лет спустя

Соловки в 1968 (1966-1968) – даты и факты

Еще за несколько лет до того, как остров был открыт для гражданских лиц, директор школы на Соловках, П.В. Витков, вместе с одним архитектором (в начале 1960 г.) обратились в Академию Наук СССР, а она потом обратилась в Совет Министров РСФСР с письмом о поддержке инициативы П.В. Виткова, касающейся необходимости обеспечить государственную охрану культурных и исторических ценностей Соловецких островов.

Когда 30 августа 1960 г. Совет Министров РСФСР издал Постановление № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников в РСФСР», определившее первоочередные меры по сохранению и подготовке к музейному показу наиболее ценных историко-культурных комплексов Российской Федерации, в список памятников архитектуры (приложение № 3 к Постановлению), «подлежащих первоочередной подготовке к музейному показу», были включены памятники Соловецких островов. Тот факт, что Витков в 1966 году стал делегатом учредительного съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от Архангельской области, был не в ущерб Соловкам.

По инициативе Виткова в июне 1963-го г. первым рейсом теплохода "Буковина" (только что построенного в Польше) в числе первых туристов приехали на Соловки корреспонденты газет и радио Архангельской области, среди них Лидия Мельницкая², которая впоследствии сделала Соловки одной из главных тем своего публицистического творчества.

В 1965 на Соловках была открыта первая турбаза на 100 мест, которой м.п. и монастырские кельи служат номерами. **F2** На должность экскурсовода на Соловках приказом Управления Культуры Архангельского облисполкома была принята и С.В. Вереш, будущий первый директор создаваемого на Соловках музея.

В этом же году (1965 г.) Л. Мельницкая познакомилась с Соловками (в том числе и с Анзером) Эрика Булатова и Олега Васильева и, наверное, и поэта и писателя Михаила Соковнина и фотографа Доррендорфа -, (а в 1970-ые годы также и Федора Абрамова, с

² Ср. Правда севера 17.5.2007 (<http://www.solovki.info/?action=archive&id=326>)

которым она стояла в переписке.)

F3+4 В недавнем интервью Елене Наумовне Пенской Константин Доррендорф, по образованию инженер-аэротехник, в частной жизни также и профессиональный фотограф, дает весьма наглядное представление о ситуации тогдашних путешественников:

«[После поездки на Соловки] я вывесил во ФБОНе³ серию фотографий под названием «Идиллия “Соловки”». Мне казалось, что вся эта разруха, стены, арки, камни, составляют какую-то единую структуру, устремленную в nirvanу. На выставке, была книга отзывов; листаю ее и вижу запись: «Потрясающим образом передано чудовищное...» и т. д. Мы тогда, будучи на Соловках, не знали, что там был лагерь. Экскурсовод не сказал ни одного слова об этом: рассказывал, как монахи стирали белье, показывал первую в России электрическую станцию, водил на Секирную гору (какой вид!), а о лагере ни слова...»⁴

Открытие музея в 1967 г. стало событием во многих смыслах:

Соловецкий музей был основан в качестве филиала Архангельского областного краеведческого музея, а в 1974 был преобразован в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (СГИАПМЗ.)

“Музейный” этап истории Соловков – пишет Леонов – характеризовался появлением на острове интеллигенции, приехавшей из Москвы, Ленинграда, Архангельска и других городов.» В самый первый период, под руководством С. Вереш (1967)⁵, исследовательская работа музея была посвящена исключительно либо истории архитектурного памятника, который представлял собой монастырь, либо изучению природы и природных ресурсов.

В связи с реставрационным проектом начиная с 1966 г. приехали студенческие отряды физиков МГУ. В 1966 г. на островах работал небольшой отряд физиков под руководством Володи Андрияхина, проф. биофизики, и Саши Логгинова, впоследствии заведующего кафедрой физики колебаний. Они собирали на литоралиях архипелага морские водоросли для нужд медицины.⁶ А уже в 1967 году отряд студентов-физиков приезжал на Соловецкие острова реставрировать монастырь. Сопоставляя тогдашнюю ситуацию с сегодняшней, Всеволод Александрович Твердислов, командир первого студенческого отряда студентов физиков МГУ в 1967 г. на Соловки, пишет в своих воспоминаниях: «У нас же не было ничего. Связались с Архангельскими реставрационными мастерскими и договорились о нашем приезде на Соловки.» **F5-14**

Но о лагере из приезжих тогда еще мало кто знал.

Это относится и к Антонине Сошиной, будущему крупному специалисту по истории СЛОНа, которая также в 1967 г. приехала на Соловки, **F15** где она потом больше 30-и лет (с 1969 по 1994 гг.) работала главным научным сотрудником Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В 1989 году Сошина вместе с А.В. Мельником, А.В. Баженовым и Ю.А. Бродским стала автором первой в СССР выставки по истории Гулага – выставки в Соловецком музее “Соловецкий лагерь особого назначения” (открыта 6 июня 1989)⁷

1994 г. (или раньше) она основала Церковно-археологический кабинет Соловецкого монастыря, старшим сотрудником которого она была до своей преждевременной смерти в 2013 г. (Антонина Сошина – автор основательной книги «На Соловках против воли: судьбы и сроки 1923-1939» и основатель и первый редактор серий «Воспоминания соловецких узников», издание которой сегодня продолжает священник Вяч. Умнягин.)

Тогда, в 1967 г., она была аспиранткой проф. Архангельского университета Георгия Г.

³ Фундаментальная библиотека общественных наук

⁴ *Разговор о М.Е. Соковине в Маале Адумим (июнь 2016) (спрашивают Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская; отвечают К.К. Доррендорф, Н.В. Зейфман)*

⁵ Третий директор музея, Лопаткина (Шилова) Людмила Васильевна, заняла эту позицию с 1969–1979, а потом еще с 1989–1992

⁶ Из статьи Всеволода Александровича Твердислова Участника студенческого отряда 1967г. [https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2017/05\(127\)-2017/26864/](https://phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2017/05(127)-2017/26864/)

⁷ Ср. <http://solovki-monastery.ru/abbey/soviet-period/slcn/1509/>

Фурменкова, специалиста по истории монастырской тюрьмы («Узники соловецкого монастыря», 1965). О лагере она ничего не знала.

Ситуация изменилась, когда в том же 1967 (или весной 1968) г. приехали на Соловки два студента ЛГУ, которые недавно были исключены с исторического факультета Ленинградского университета «за участие в антисоветской организации» - вернее, за участие во «Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа» (ВСХСОН), конспиративном анти-коммунистическом кружке, «ликвидированном» осенью 1967, причем руководители (И.В. Огурцов, М.Ю. Садо, Е.А. Вагин) были осуждены на значительные сроки. Евгений Абрамов и Александр Осипович **F16** стали главным хранителем музейных фондов и научными сотрудниками.⁸ Антонина Сошина вспоминает, что они сопротивлялись запрету и упоминали в своих экскурсиях лагерный период.⁹ От них она узнала о лагере и познакомилась с диссидентской средой.

В самом 1968 г. директор музея бы замещен Николаем Павловичем Варакиным, о котором я пока ничего не смогла найти. Но намного важнее то, что тогда же состоялся первый – после его пребывания в лагере – визит Д.С. Лихачева на Соловки.

Из воспоминаний Д.С. Лихачева: «Когда я был потом на Соловках **в 1966 г.**, этот подвал без верхнего этажа почти перестал существовать. Не мог себе представить, что я там когда-то лежал.»

Ср. Воспоминания Мельницкой:

(В 1968) на Соловки приезжал Дмитрий Сергеевич Лихачев. «От его посещения у ребят осталась беглая запись истории Соловецкого лагеря. Позже, прочтя «Архипелаг ГУЛАГ», я понял, что у Александра Исаевича и у нас, соловецких экскурсоводов, был один и тот же источник информации. Те же приметы лагеря, те же подробности расстрела трехсот узников СЛОНа в 1929 году...»¹⁰.

То ли прямым, то ли косвенным образом с этим должно быть связано, что именно в 1968 г. меняется взгляд на Соловки: всего через несколько лет после того, как возник интерес и желание сохранить Соловки как памятник архитектуры и природы, распространяется знание и воспоминание о лагере и возникает желание узнать, что в 1920-30-ые гг. действительно произошло. В текстах 1968 г. и далее упоминания лагеря становятся символом борьбы против попыток официальной политики табуировать и завуалировать этот период фигурой умолчания.

Наряду и в связи с этим Соловки в эти годы превращаются в центр вольнодумства и самиздата. Вместе с молодыми журналистами Архангельской Комсомольской Правды¹¹, Лидией Мельницкой и Юрием Чебанюком, работавшими летом на Соловках экскурсоводами,

⁸ Ср. «Дело в том, что состав сотрудников Соловецкого музея был в то время довольно оригинален. Главным хранителем музейных фондов и одним из научных сотрудников стали Евгений Абрамов и Александр Осипович (сейчас живёт в США), незадолго до этого исключенные с исторического факультета Ленинградского университета «за участие в антисоветской организации». Еще несколько девочек-сотрудниц... Словом, только меня там не хватало, в эту теплую компанию, меня, еще несколько лет назад взятого на заметку бдительными областными органами!» (Воспоминания Ю. Чебанюка о 1969 г., цит. по Л. Мельницкой 2007 <http://www.solovki.info/?action=archive&id=45>)

⁹ Vgl. auch den Nachruf mit Interviewausschnitten: <http://www.cogita.ru/pamyat/in-memoriium/pamyati-antoniny-soshinoi> (17.8.2013)

¹⁰ (<http://www.solovki.info/?action=archive&id=45>)

¹¹ Дм. Козлов пишет о том, что журналистская среда архангельской Комсомолки была чрезвычайно либеральной. Сам главный редактор Аушев не стеснялся сохранить в своем шкафу составленную А. Гинзбургом Белую книгу по делу Синявского и Даниэля (самиздатовское издание).

Евгений Абрамов и Александр Осипович привезли «горячие материалы» из Москвы, Ленинграда и Киева. **F17** Сотрудник музея Наталья Лапина и ее подруга, школьная учительница Людмила Садовская, перепечатали на школьной машинке, обернули в неподозрительные обложки и сделали доступными кружку сотрудников музея произведения Солженицына, стихи молодой Натальи Горбаневской, Юрия Галанскова, неопубликованные открытые письма М. Булгакова, поэзию серебряного века (Мандельштама, Цветаевой), публикации русской литературы в изгнании (напр. журнал *Грани*), самиздат-журналы (human rights bulletin “Хроника текущих событий”) и многое другое.¹² Молодые образованные люди из городских центров рискнули на образ жизни под постоянной угрозой судимости. И на самом деле уже с 1970 г. начались обыски и изъятия. Удивительным образом некоторым удалось держаться на своем месте (гл. Редактору *Комсомолки* и Л. Мельницкой), но некоторые, как напр. Юрий Чебанюк, уволились и больше ничего не могли опубликовать вплоть до перестройки.

Так как им – хотя бы на некоторое время – удалось избежать контроля, и так как они своим происхождением все время теснейшим образом были связаны с метрополиями, так как горизонт их знаний и их культурного и политического сознания не отличался от горизонта самых образованных и продвинутых представителей андерграунда в метрополиях или бывал еще более продвинутым, они снова и по-новому смогли превратить Соловки в «центр на краю».¹³

Голоса 1965-1970

1. Валентин Вихорев «На соловецких островах» (1965)

Валентин Вихорев, ленинградец, в младенческом возрасте пережил блокаду, с конца 50-х является бардом. В середине 1960 попал на Соловки как член экспедиции аквалангистов ... написал песню «На Соловецких островах», которая сегодня считается соловецким гимном.¹⁴

На Соловецких островах
Дожди, дожди.
Ну, как расскажешь на словах,
Как льют дожди?
В конверт письма не уложить
Ветра, шторма...
Нет, надо просто здесь пожить —
Ты приезжай сама.

И что с того, что холодам
Здесь скоро быть,

¹² Ср. работу Дм. Козлова в рамках проекта [airbarents2016](https://airbarents2016.wordpress.com/2017/04/26/history-of-samizdat-in-arkhangelsk-kozlov/) (Tromsø 2016) <https://airbarents2016.wordpress.com/2017/04/26/history-of-samizdat-in-arkhangelsk-kozlov/>

¹³ Ссылаясь на Алексея Юрчака, Дмитрий Козлов описывает ситуацию этой диссидентской жизни на окраине страны понятием «вне»: « Using terms of Russian-American anthropologist Alexey Yurchak we can call Solovki cells and the offices of Komsomol newspaper “spaces for living “vnye” (Russian word that could be translated as “being simultaneously inside and outside [the system]”) The person who appeared in them, "being inside the system and functioning as a part of it ... was simultaneously outside of it, in a different place"»

¹⁴ Песни пишет с шестидесятых годов. Толчком послужило желание рассказать о виденном и пережитом во время походов и экспедиций на Кавказ, Тянь-Шань, в Карпаты, на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, Сахалин, в Карелию, на Черное и Белое моря. Первые песни были написаны на озерах Карельского перешейка, где В.Вихорев участвовал в подводных погружениях (https://amdm.ru/akkordi/valentin_vihorev/wiki/), <http://www.solovki.ca/music/vihorev.php>

Что чай с мошкой пополам
Придется пить.
Не слушай ветреных подруг
Про гиблый край,
Не опускай в бессилье рук —
Ты приезжай.

Ты приезжай, дожди уйдут
За кромку дня,
Ветрила норда опадут,
Шторма уняв.
Призывно ломится в окно
Крик птичьих стай.
Я напишу тебе одно:
"Ты приезжай!"

«На соловецких островах» - это романс, чисто романтическая песня, вместе с далекой возлюбленной воспевается северная, морская природа. Вот и все.

2. Юрий Казаков «Соловецкие мечтания» (1966)

О восприятии Соловков середины 1960-х в среде образованной публики (по крайней мере, русского Севера, но, наверное, и столиц) и о воздействии очерка Казакова на публику пишет Лидия Мельницкая в своих воспоминаниях 2007 г.:

«О Соловках тогда трудно было и подумать своими словами — память сразу услужливо подсовывала какую-нибудь «жемчужину Беломорья». И вообще, как только представители нашей «второй древнейшей профессии» открыли для себя Соловецкие острова, их захлестнул «потный вал вдохновения». Во многих центральных (не говоря уж о местных) изданиях стали появляться восторженные репортажи, корреспонденции, отчеты о посещении «жемчужины Беломорья», фотоэтюды притягательной красоты, снятые обычно в одном и том же ракурсе... Первым, кто обстоятельно, с искренней душевной болью и гневом написал о проблемах открытых островов, был Юрий Павлович Казаков. Художественным мастерством, силой прочувствованного, правдивого слова очерк Ю. Казакова «Соловецкие мечтания» так подействовал на меня, что я вырезала его себе на память из «Литературной газеты» от 13 сентября 1966 года. С тех пор собрала уже немало вырезок из различных изданий с серьезными публикациями на неисчерпаемую тему возрождения Соловков.»¹⁵

Эссе Казакова полно жалоб на разрушение, на «уничтожение истории» и на медленность восстановительного реставрационного процесса. Но если читать его с сегодняшней точки зрения, обладая теми знаниями об истории Соловков, которыми мы сегодня обладаем, трудно не увидеть там множество намеков на – тогда еще табуированные – события 20-30х, трудно не увидеть в его языке признаки эзопова языка. Он противопоставляет золотое прошлое настоящему и спрашивает себя, что могло быть причиной и мотивацией «последовательного уничтожения»:

«Сколько скитов было на Соловках, сколько часовен, келий, гостиниц, беседок, мастерских, огородов и садов — и все это теперь оказывается уничтоженным. Поневоле приходишь к мысли, что в этих разрушениях повинна чья-то злая воля, обрекшая прекрасный край на забвение. И силишься постигнуть, чем же руководствовались люди в своей ненависти к Соловецкому архипелагу, какая им была выгода, какая была выгода государству (на их взгляд) в столь целеустремленном, последовательном уничтожении архитектурных и исторических ценностей?»

¹⁵ (<http://www.solovki.info/?action=archive&id=45>)

Он использует метафористику насилия, угнетенного, раненного тела:

«И долго в смятении, в горестном недоумении, в злости ходил я вокруг монастыря, а он мне выставлял в смирении обшарпанные стены церквей, дыры какие-то, обвалившуюся штукатурку, как после вражеского обстрела, как раны — это и были раны, но сделаны они были «сынами отечества...»;

Метафористику войны и смерти:

«Все было, как после войны, как после нашествия марсиан, — мертво, пусто, ни души кругом, одни мерзостные следы запустения и какого-то извращенного разрушительства. Как и на Соловках, тут везде надписи, отбита штукатурка, ободраны обои, разломаны подоконники (это в деревянных домах, которых вокруг каменных келий и церквей несколько). Всюду следы неряшливого краткого пребывания людей.

По дороге в скит мы еще разговаривали, а тут и говорить уже не могли, и быть нам тут долго не хотелось — с такой болью, с такой беспомощностью глядели на нас со всех сторон умирающие дома»;

... и называет признаки тюремной ситуации:

«... стало нам жутко. Бурьян, иван-чай, какие-то зонтичные травы — все это было нам по плечи, дома стояли без стекол, с черными глазницами, кельи вблизи сочились красной кирпичной кровью (вот откуда эта розоватость издали!), церкви разбиты, исковерканы, на одной колокольне вместо купола сторожевая вышка с перильцами, окна на втором этаже келий в толстых решетках».

Но о лагере Казаков откровенно не говорит. Зато он удивительным образом взывает спасти Соловки как национальное место памяти, как культурное наследие:

«Соловки нужно спасать! Потому что советскому человеку нужна история. Нам просто необходимо иметь постоянно перед глазами деяния наших предков, далеких и близких, потому что без гордости за своих отцов народ не может строить новую жизнь. Сыны отечества — это великий титул и нам нужно всегда помнить об этом!»

... и мечтает о будущем восстановлении исторических зданий и хозяйства, а также и о расцветающем туризме на Соловках:

«... думалось, что настанет когда-нибудь золотой век и для Соловков. Что Соловки восстановят во всей их первоначальной красе. Что в обширных помещениях монастыря вновь заблистают фрески. Что из Казани, из Москвы и Ленинграда вернут монастырю-музею хоть часть его библиотеки. Что станут вновь работать био- и метеостанции, что дороги тут исправят, что в многочисленных пустых теперь кельях откроются пансионаты, гостиницы, рестораны, что будут на острове такси и автобусы, что забелеют в лугах фермы и много станет своего молока и масла, что освободят занятые сейчас причалы возле монастыря, и корабли из Архангельска и Кеми будут входить прямо в гавань Благополучия, а не отстаиваться целыми днями на рейде, что электричество проведут всюду, где только будет жилье, что между всеми островами архипелага будут курсировать катера, что будут здесь и заповедники, и подводная научная станция по примеру Кусто...»

3. Статья Елены Брусковой в Комсомолке от 24 августа 1967 года

Говоря о «магических словах» «Соловки» и «реставрационный», намекая на патриотическую мотивацию (клуб «Родина») и на сильные эмоции, газетная статья Елены Брусковой нитью аффективного притязания связывает между собой темы «родина»,

«старина», «память» и «реставрацию» в качестве «дороги в будущее» и, таким образом, создает и усиливает привлекательную для молодежи ауру Соловков. В ней даже нет намека на лагерное прошлое:

«Объявление, которое висело около комитета комсомола физического факультета МГУ, притягивало всех двумя магическими словами. Там было написано: «Соловки» и «реставрационный». Комитет комсомола физического факультета комплектовал студенческий отряд, который назывался необычно, а потому сила его действия была особенно неотразимой. Комитет комсомола приглашал добровольцев в реставрационный отряд на Соловки. Непосвященным чудились развалины монастыря, бог весть сколько раз за последнее время оплаканные на страницах газет и журналов. ... Были энтузиасты молодежного клуба «Родина», которые давно поняли, что от слов о том, что надо сохранить памятники старины, пора переходить к делу. Соловки и должны были стать этим делом, интересным и нужным. От желающих ехать на Соловки отбоя не было. Даже те, кто смутно представлял, что такое реставрационные работы, уверяли, что всю жизнь только тем и занимались, что восстанавливали памятники старины. ...»¹⁶.

4. Диалог между туристом и экскурсоводом:

Симптоматичный пример языка умолчания и намеков периода 1965-67, дают и воспоминания Мельницкой. Она цитирует диалог между туристом и экскурсоводом:

-Скажите, почему там звезда на колокольной башне?

-Это следы лагеря.

-Какой л а г е р ь?

-Точно не пионерский¹⁷

Как ни странно, в 1968 г. ситуация резко изменяется. Начиная с 1968 г. вдруг появляются прямые намеки на соловецкий лагерь. Одним из первых примеров является песня Юлия Кима, которую он сочинил под впечатлением судебного дела против Александра Гинзбурга и посвятил ее ему.

5. Юлий Ким (1968)

Об истории написания этой песни он рассказывал в интервью на радио Свобода:

"Что касается процесса этого знаменитого, то сразу вспоминается некоторый реванш, который состоялся у нас отчасти и с Борисом Андреевичем [Золотухиным],.. когда телевизионные люди притащили нас в этот зал Московского городского суда, где действие это происходило.

Что меня особенно поразило: в этом зале стоял огромный (может, до сих пор стоит), огромный рояль. И я сразу мысленно себе представил, как под этот рояль хорошо проводить политические процессы. И даже вообразил себе, что, может быть, так оно и было, в конце концов. А потом выяснилась, правда, простая истина, что этот зал одновременно был актовым залом для сотрудников этого учреждения, и тут они праздновали все свои вечеринки, дни рождения и "красные" даты. Поэтому там рояль и стоял.

Но вот его наличие сразу, конечно, подвигнуло на мысли о создании некоторого мюзикла, где рояль стоял бы в зале суда, и под это дело все бы происходило. (Такой мюзикл в свое время я сочинил, он называется "Московские кухни". И там было нечто похожее. Был зал суда, был рояль, и под этот рояль выступали и подсудимые, и судьи, и многочисленные свидетели.) Но когда мы оказались с Борисом Андреевичем в этом зале, под дулом съёмочных

¹⁶ <https://mitin-i-v.livejournal.com/109828.html>

¹⁷ - *Tell me, why is there a star on the bell tower? - These are the tracks of the camp.-What camp? - Well, not the pioneer one!*

телевизионных камер, реванш заключался в том, что я именно в этом зале и спел песенку, которую сочинил в тот самый январь 1968 года, когда происходило действие. Это была, наверное, самая первая моя песня, которую я написал абсолютно всерьез, без единой какой-то такой присущей мне кривой ухмылки. А здесь я так рассердился на то, что там происходило, в этом суде, тем более что шло судилище под аккомпанемент жесточайшего мороза, было очень холодно, и поэтому собравшаяся кучка отщепенцев, которые пришли сочувствовать подсудимому, чрезвычайно там, на этом морозе, мерзла, и я вместе с ними. Поэтому моя злоба была увеличена еще и этим обстоятельством, и я сочинил эту песню, абсолютно откровенно подражая Высоцкому". (Ким Юлий. Памяти Александра Гинзбурга. *Человек имеет право. Ведущий Владимир Бабурин. Радио Свобода, 26.11.2002*)

Таким образом, Ким описывает возникновение этой песни в связи с интерпретацией суда как театрального действия и представляет его как перформанс. Сама песня открывает глубокий исторический горизонт: через поколения 20-ого века вплоть до декабристского восстания. В генеалогии противостояния правды против силы Соловки занимают важное место:

Подражание В.Высоцкому

Вот бывший зек стоит себе,
Ногой колотит ногу,
А вот полковник КГБ
Ногой колотит ногу,
Вон у студента, у врача
Отец замерз на БАМе
А у того, у стукача
Зарыт под Соловками.

И вот стоят лицо в лицо,
И суть не в поколениях:
Не сыновья против отцов,
А сила против правды!
Видать, опять пора решать,
Стоять ли на коленях
И в Соловки нам поспешать
Иль в опер-лейтенанты...

Ах, как узок круг этих революционеров!
То-то так легко их окружили во дворе!
И тоже - вне народа, и тоже - для примера,
И дело происходит тоже в старом декабре...

1968

Московские кухни

5. Юрий Кублановский

В качестве последнего голоса того периода (конца 60-х) я хочу привести пример Юрия Кублановского, который попал на Соловки молодым поэтом сразу после окончания искусствоведческого отделения исторического факультета МГУ и работал экскурсоводом.

Волны падают стена за стеной...

Волны падают стена за стеной
под полярной раскаленной луной.

За вскипающую зыбью вдали
близок край не ставшей отчей земли.

Соловецкий островной карантин,
где Флоренский добывал желатин
В сальном ватнике на рыбьем меху
в продуваемом ветрами цеху.

Там на визг срываться чайкам легко,
ибо, каркая, берут высоко,
из-за пайки по-над массой морской
искушающие крестной тоской.

Все ничтожество усилий и дел
Человеческих, включая расстрел.
И отчаянные холод и мрак,
пронизавшие завод и барак...

Грех роптать, когда вдвойне повезло:
ни застенка, ни войны. Только зло,
причиненное в избытке отцу,
больно хлещет и теперь по лицу.

Преклонение, смятение и боль
продолжая перемалывать в соль,
в неуступчивой груди колотьяба
гонит в рай на дармовые хлеба.

Распахну окно, за рамы держась,
крикну: "Отче!" - и замру, торопясь
сосчитать как много минет в ответ
световых непродолжительных лет...

1971

Соловки от крови заржавели...

«У Кублановского дух поэзии почти всегда интимно связан с русским православием»:

Соловки от крови заржавели,
И Фавор на Анзере погас.
Что бы ветры белые ни пели,
Страшен будет их рассказ.

Но не то – в обители Кирилла:
Серебрится каждая стена,
Чудотворца зиждущая сила
Тут не так осквернена...

1976

Воспоминания соловчан 40 лет спустя

1. Вереш

Из воспоминаний Светланы Вереш: «Первое время я работала в библиотеке в Онеге, где жил мой отец, уйдя в отставку. Однажды надо было провести проверку всех библиотек в районе. Единственная из них, которая была на тот момент не проверена – библиотека на Соловках. Она располагалась тогда в Иконописной палате. С заведующей Онежской районной библиотекой я приехала на Соловки. Что я увидела на территории монастыря... Кучи мусора, проломленные крыши... В Академии художеств я полюбила архитектуру, – декан нашего факультета Игорь Александрович Бартенев, архитектор по образованию, привил эту любовь всем своим студентам. **Мне очень захотелось хотя бы сделать кровлю и убрать мусор. Так мне было больно смотреть на этот заброшенный ансамбль – монастырь, как раненый богатырь, оставленный на поле брани... Первым моим шагом было попроситься на работу в качестве экскурсовода. Меня с радостью взяли.**

Скоро на Соловки приехал и сам мой учитель Игорь Александрович Бартенев, – оказывается, он услышал о моих экскурсиях... И как-то в это время так получилось, что люди потянулись на Соловки. Экскурсии стали теперь другими: раньше рассказывали, в основном, про тюрьму, – не только периода лагеря, но и периода дореволюционного. Я же рассказывала про монастырь, его великолепной архитектуре: говорила о Преподобных – основателях монастыря, их подвигах, об игумене Филиппе. Мне нужно было набраться опыта, и я отправилась в Москву, где на тот момент был единственный пример сочетания музея и монастыря – Музей Андрея Рублева. Там мне подарили Библию, которую я взяла с собой на Соловки.»¹⁸

О времени, когда она стала первым директором музея (1967) Вереш рассказывает:

«... я ведь только как бы зернышко маленькое бросила: привезла экспонаты из Исторического музея, из Кремля, из Коломенского, – те святыни, которые находились здесь когда-то, но были вывезены в государственные музеи. Описала имеющиеся фонды. Потом, узнав, что в Эрмитаже заменяют экспозиции, а освободившиеся витрины, если это нужно, отдают из хозяйственных запасников в разные музеи, я отобрала и привезла на остров 24 витрины, в которых была размещена наша экспозиция.»

И еще: «Я еще была некрещеная тогда. Но я очень почтительно относилась ко всему, что касается монастыря.»

И: «О лагере я рассказывать не могла, а когда узнавала, что здесь происходило, – буквально была больна, и мне было тяжело работать.»

Взгляд с сегодняшней точки зрения у нее такой:

«Я всей душой хочу, чтобы возобновился величайший русский монастырь. Один из древнейших... Четверть монастырей нашей Родины была основана духовными потомками преподобного Сергия Радонежского, – и Соловецкая обитель важное звено этой великой цепи.

Подвигом творилась наша страна, – воинским, трудовым подвигом. Велик был и крестьянский труд. Мы – народ с общинным сознанием, как отлаженная система, в которой каждый со своим дарованием находит место. Община иерархична. И все, что иерархично, – крепко стоит: и армия, и Церковь. Православие у нас в России устоялось именно благодаря общинному сознанию. Оно было благоприятной почвой к усвоению соборного сознания.»

2. Л. Мельницкая о Ю. Чебанюке, ее коллеге и муже, в 1969 г. на Соловках:

А «на заметку» он был взят потому, что, будучи секретарем молодежной газеты, «под крышей» редактора Володи Добкина исхитрился опубликовать немало всякой «крамолы».

¹⁸ Интервью 17 сентября 2012 г. <http://solovki-monastyr.ru/abbey/soviet-period/restoration/454/>

Например, отрывки из воспоминаний Анны Ахматовой о Мандельштаме (впервые в Союзе!) и несколько стихов из его «Воронежских тетрадей»... Два коротких рассказа мало кому тогда известного Франца Кафки, предварив их собственным рассуждением о тоталитарном государстве. Еще много чего другого числилось за журналистом, стремившимся в соловецкие музейщики... Но, пожалуй, самой весомой каплей стала публикация стихов Натальи Горбаневской в марте 1968-го, за полгода до её выхода на Красную площадь в числе отважной восьмерки, протестовавшей против ввода наших танков в Чехословакию.

Всё кругом давно обледенело, а мы у себя в «Северном комсомольце» все дили и дили оттепель...

Но что оставалось делать Чебанюку, которому всё это еще долго будет выходить боком?! Пошел пока на временную работу в тот же «Северный комсомолец». Жил надеждой: через два месяца начнется туристский сезон, экскурсоводов не хватает — может, и он пригодится. Готовился, перечитал всё, что можно было тогда достать о Соловках. И добился — его, человека с университетским образованием, взяли в штат Соловецкого музея временно, на 50-рублевую зарплату смотрителя. Уже через несколько дней вел свою первую экскурсию по Соловецкому кремлю для моряков, проходивших на островах лагерные сборы. Перед этим его предупредили, что не стоит упоминать о том, что здесь был Соловецкий лагерь особого назначения, знаменитый СЛОН.»¹⁹

Позже Юрий Чебанюк, который женился на Лидии Мельницкой, вспоминал о том, «как им «рекомендовали» вместо ГУЛАГовской темы больше рассказывать о тюрьме монастырской. Хотя уже известно было, что в той тюрьме за три с половиной века её существования сидели 316 узников, тогда как в советское время на Соловках порой собиралось до 50000 заключенных... О том, что они, первые соловецкие экскурсоводы, просто не могли не говорить правду о здешних лагере и тюрьме, тем более, что среди туристов оказывалось много ленинградцев, у которых родственники сгинули здесь, на Соловках. Да и ГУЛАГовские меты попадались на каждом шагу, особенно на Большом Соловецком: бараки, решетки на окнах, следы безымянных захоронений в лесу, на болоте, колючая проволока повсюду...» (там же)

3. Юрий Михайлович Кублановский

В начале 1980 эмигрировал во Францию и вернулся в 1990 г., чтобы «посильно участвовать в общественно-политической жизни». В октябре 1993 г. Кублановский не подписал знаменитый призыв 42 писателей в поддержку Бориса Ельцина, призыв к решительным мерам против коммунистическо-националистической оппозиции, опубликованный в «Известиях» 5 октября 1993 года. ...

Об этом событии он рассказал на colta.ru (4.10.2013):

«Вернувшись в Россию ... я ... в отличие от столичной прогрессивной общественности очень быстро понял, что мы имеем дело не с построением демократического общества и цивилизованного рынка, а с тем, что кто-то верно тогда назвал великой криминальной революцией.

... Никаких коллективных писем я тогда не подписывал — по душе не мог подписать. Не мог занять твердую позицию одной из сторон, и у тех и у других я видел большие изъяны. Но почти сразу в те дни написал стихотворение «Прямой наводкой» о событиях 4 октября, и оно было одновременно опубликовано в воинственно либеральной тогда «Литературной газете» и в прохановской «Завтра». С Прохановым, разумеется, никаких отношений у меня не было, но позвонил Владимир Бондаренко, отвечавший в этой газете за литературную часть, и спросил, можно ли его перепечатать.»

¹⁹ Альманах «Соловецкое море». № 1. 2002 г. <http://www.solovki.info/?action=archive&id=45>

По возвращении в Россию Кублановский работал в журнале "Новый мир" заведующим отделом публицистики (1995-2000) и с 2000 года заведующим отделом поэзии.

28.5.2015 Юрий Кублановский получил Патриаршую премию:

colta.ru (28.5.2015): в храме Христа Спасителя в Москве при участии патриарха Кирилла прошла церемония избрания лауреатов Патриаршей литературной премии. Ими стали писатели Юрий Бондарев, Юрий Кублановский и Александр Сегень.

В интервью православному журналу СЛОВО он сказал (Беседовала Александрина Вигилянская):

«А возродилось так. Когда я в 1970 году закончил МГУ, то понял, что не хочу ни вписываться в советскую литературу, ни вообще оставаться в столице: **какой-то инстинкт самосохранения позвал меня вернуться в провинцию. И я уехал работать экскурсоводом в незадолго перед тем открывшийся музей на Соловках. Надо сказать, что зимовать на Соловках, в огромном разоренном монастырском комплексе, где жило всего 6 сотрудников, было не просто.** Жили в непротапливаемом корпусе братских келий, лишь позже я узнал, что зимовал в келье, где в 1930-е годы сидел Дмитрий Лихачев. Тогда, разумеется, я еще не осознавал в полной мере масштабов трагедии, которая происходила здесь со времен раннего большевизма. Но во время экскурсий ко мне стали подходить бывшие соловецкие сидельцы, и я постепенно реконструировал для себя кошмар лагерной жизни. Но под ним, за ним стояла соловецкая старина! И там, на Соловках, я впервые смог осознанно, по настоящему ощутить Россию! Кроме того, благодаря неспешному ритму жизни на Соловках, где "девять месяцев зима, остальное – лето" у меня появилась драгоценная возможность помногу читать. Этой роскоши я был лишен в моем московском кавардаке – чтобы неспешно прочесть Карамзина, Соловьева или Забелина. **На Соловках из "анонимного" христианина я постепенно становился сознательным...**

70-ые годы – годы религиозного "самиздата". В частности, тогда появилось в "самиздате" знаменитое "Великопостное письмо" Солженицына Патриарху Пимену, полностью совпадавшее и с моими представлениями о тех задачах, которые стояли перед Русской Православной Церковью. Знакомство с отцом Александром Менем помогло моему воцерковлению. Сейчас я гораздо сложнее отношусь к этой фигуре, но тогда я, во всяком случае, твердо был уверен в его внутренней честности и бескомпромиссности. Я стал ездить к нему в Новую Деревню, стал его духовным чадом. Тогдашние чаяния религиозного возрождения и по сей день сберегаются в моей памяти как необыкновенно светлая страница жизни.»²⁰

В эмиграции в Париже Кублановский работал членом редколлегии и составителем литературного раздела журнала "Вестник РХД", старейшего русского православного богословско-литературного журнала, который издался (с перерывами) с 1925 г.

Итоги

1.

Из приведенных источников очевидно, что поздние 60-ые гг. – самый динамичный и изменчивый период в истории Соловков второй половины 20-ого в. Очень любопытно, что внутри этого периода 1968 г. оказывается поворотным пунктом в символическом осмыслении Соловков как места памяти Российской истории, а также и важнейшего места памяти Советских времен.

До 1968 г. открывается лишь одна сторона исторического значения Соловков, а начиная с

²⁰ СЛОВО <https://www.portal-slovo.ru/slovo/15685.php> (дата неизвестна)

1968-ого г. – и другая. Можно предположить, что это каким-то образом связано с визитом Д.С. Лихачева и с тем, что студенты-историки ЛГУ в Ленинграде – и, наверное, от него – узнали о лагере, и/или с тем, что – как сообщает Лидия Мельницкая, Лихачев сам посетил Соловки в 1968 г. и рассказал обо всем ... а также и с тем, что на Соловки в качестве туристов приезжали то ли сами бывшие узники, то ли их потомки и рассказывали ученой молодежи правду об истории этого места.

2.

В своей популярной книге об истории Соловков (в серии «Повседневная жизнь») – которая вышла в 2018 г. – документалист Максим Гуреев пишет о «времени молодых физиков и лириков», т.е. о второй половине 1960-х на Соловках:

«Можно предположить, что именно в те годы на Соловках сформировалось концептуальное противостояние, которого до того на острове не было никогда. Противостояние-конфликт между гуманитарно-атеистическим и церковным восприятием острова, его истории, его более чем 500-летнего бытования.» (Гуреев 2018, 306)

Я не могу согласиться с этим мнением. На основе моих исследований мне, напротив, кажется, что в эти годы, да и еще долгое время спустя (по крайней мере, до открытия первого музея СЛОНА и Соловецких камней) не было никакого разрыва между названными позициями, между теми, кто занимался исследованием СЛОНА и «верующими» (монастыря тогда еще не было). Большинство исследователей либо уже были верующими, либо крестились после того, как связали свою жизнь с Соловками. Неверующие или анти-духовные персонажи в моем поиске не встречались. Также не встречались прецеденты спора между непримиримыми духовными позициями.

На мой взгляд, главная разница – и, возможно, причина сегодняшнего глубокого разногласия – резкое изменение статуса и политического значения православной церкви. В то время как в 1960-70 и до конца СССР церковь могла считаться обителью интеллектуального подполья, церковь сегодня представляет собой государственную власть. А люди, приехавшие в конце 60-х и позже на Соловки, на северный край страны, где диссидентам был доступен мирный и наиболее свободный образ жизни, в начале нового тысячелетия вдруг оказались в духовном центре новой церковной и государственной власти – статус церкви изменился, но сама церковь, само православие, вероисповедание остается. И перед ними возник вопрос, как вести себя, как отнестись к новой, властной церкви?? Эта новая ситуация стала питательной средой для споров о памяти, для агрессии и ненависти между представителями разных позиций.

Соловки 1968 – это освобождение взгляда, готовность и желание снять вуаль и рассматривать ВСЮ историю, ВСЮ правду об этом месте. В то же время – это возникновение патриотического взгляда на отечественную историю, желание переоценивать и заново оценивать памятник как национальное наследие и возобновить традицию... в этом смысле активность этих лет на Соловках весьма типична для реставрационного движения во многих регионах и особенно на периферии страны.

Но Соловки 1968 – это не раскол между светской, культурно-исторической позицией и церковной. Не только потому, что монастырь был закрыт, и церковь не имела возможность позиционировать себя, но и потому, что приезжие из центров исследователи – несмотря на то, какой частью истории Соловков они стали заниматься – сами считали себя спасителями не только архитектурных памятников, но и духовности этого места. Сегодня в связи с изменением позиции церкви в обществе и государстве соревнование за прерогативу в интерпретации истории на полном ходу.

Берлин, 10/2018

